

Dostál, Bořivoj

Бржецлав-Поганско IV., Усадьба Великоморавско Вельможи : резюме

In: Dostál, Bořivoj. *Břeclav-Pohansko. IV, Velkomoravský velmožský dvorec*.
Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1975, pp. 343-360

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/121346>

Access Date: 17. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

БРЖЕЦЛАВ—ПОГАНСКО IV

Усадьба великоморавского вельможи

Резюме

I. Местоположение раскопок, история и метод исследования, состояние обработки в настоящее время

Укрепленная усадьба вельможи IX века была открыта на площади великоморавского городища Поганско, лежащего приблизительно в 2 км южнее от г. Бржецлав, в пойменной луговой и залесенной области над слиянием рек Моравы и Дые (рис. 1; табл. I:1). Усадьба по всей вероятности существовала уже до возникновения городища. Раскопки усадьбы были произведены кафедрой предыстории философского факультета Университета им. Я. Э. Пуркине к 1959—1965 гг. (рис. 2; табл. I:2) под руководством проф. д-ра Ф. Калоусека и автора.

Раскопки велись классическим методом в рамках заранее намеченной сети квадратов на сравнительно больших площадях, с последовательной системой документации. Это позволило найти более широкую связь исследуемых археологических объектов. Вскрытие производилось в 2—3 пластах, приблизительно по 20 см, и была произведена подробная документация находок, как в культурном слое, так и в заполнении углублений в материке. Таким образом могли быть отличены каменные подкладки наземных построек, планы больших построек столбовой конструкции, сеть желобков от частоколоватого укрепления и разных заборов, а также остатки больше или меньше углубленных построек (табл. II — X).

В связи с научной обработкой раскопок усадьбы образовался коллектив научных сотрудников. Петрографическим анализом камня занимался Й. Штелцл, Ю. Тейкал и Я. Малина, антропологический материал обработала А. Лоренцова, кости животных исследовал З. Кратохвил, палеоботанический анализ древесных угольков произвел Э. Оправил, отчет о находке церковного кладбища, принадлежащего к усадьбе опубликовал Ф. Калоусек, который также кроме того подготавливает историко-археологический анализ храма и могильника. Укреплением усадьбы, ее постройками, как и некоторыми специальными проблемами, а также общей интерпретацией занимался в нескольких отдельных статьях и автор предлагаемой монографии.

II. Укрепления и заборы усадьбы

Усадьба была обнесена дубовым частоколом, от которого сохранилась сеть желобков шириной около 50 см и глубиной 60—80 см. Их стратиграфическая взаимосвязь дала возможность различать две строительные фазы укреплений. Можно предполагать, что высота частоколоватого укрепления местами достигала 3 м. С внутренней и внешней стороны укрепления, по его периметру, существовали более низкие заборы, высотой приблизительно, 1—1,5 м, от которых сохранились более узкие неглубокие желобки, шириной в 15—30 см и глубиной в 20—30 см.

В более древней фазе укрепление ограничивало почти квадратную площадь, ориентированную своими углами на четыре стороны света. Его стороны были от 64 до 70 м длины, вся площадь составляла 4230 м², а с прилегающими заборами 5488 м². Отдельная огражденная площадь (65×15—16 м; 1040 м²) находилась внутри укрепления на его се-

верозападной стороне. На ней находилась резиденция самого вельможи. Другая огороженная площадь находилась на его наружной северо-восточной стороне ($21,5 \times 17$ м; 358 м^2) и, по всей вероятности, имела культовое значение, так как позднее именно там был построен храм. Третья ограда, сооруженная в двух этапах ($65 \times 9—11$ м; 650 м^2 ; $70 \times 11—13$ м; около 900 м^2) приблизительно на том же месте, возможно, служила защитой больших построек, или же была связана со скотоводством (рис. 4). Вход в усадьбу с северо-восточной стороны представлял собой очевидно проход в частокале, возможно с воротами. От прямого нападения извне он был защищен плетнем длиной около 15 м, находящемся в среднем, в 2 м от входа (рис. 5; табл. III:5).

На более позднем этапе укрепление ограничивало трапецевидную площадь со сторонами 80—100 м, т. е. около 7900 м^2 (рис. 6:1). В нее входила площадь более древнего укрепления вместе с оградами; его стороны были ориентированы одинаково (рис. 3). Из более ранней фазы, вероятно, сохранилась внутренняя ограда меньших размеров (длина 28 м, ширина 11,5—16 м, площадь около 340 м^2), обозначенная как объект 126. Возможно это была небольшая усадьба с одной жилой и двумя хозяйственными постройками (табл. 27). На северо-восточной стороне более позднего укрепления находились ворота с башенной надстройкой на 6 столбах (рис. 6:2).

Для более детальной хронологии укрепления нельзя пользоваться находками из заполнения желобков (план 2, 3), так как они или старше, или же совпадают во времени с возникновением и разрушением частокала. Эти находки представляют собой, как украшенные и неукрашенные обломки раннеславянской, затем превосходной великоморавской керамики, так и единичные предметы, относящиеся к периоду 6—10 вв. Для определения относительной и абсолютной хронологии решающим являются стратиграфические соотношения его отдельных частей, а также соотношения с местным храмом, могилами и сооружениями поселения, а кроме того — долговечность деревянного частокала.

Желобки, оставшиеся от более древнего частокалового укрепления, в четырех местах пересечены желобками более поздней фазы укрепления, затем перекрыты фундаментами нартекса храма, 44 могилами и 10 постройками с великоморавским инвентарем прекрасного качества. Храм (его первые две строительные фазы) возник между половиной и началом последней трети IX века. Массовое производство инвентаря, из упомянутых могил кончается (шпоры типа IA, II, меч типа H), или же напротив начинается (украшения велиградского горизонта) в первых двух десятилетиях второй половины IX века. Это и есть тот период, когда было разрушено более раннее укрепление и возникло более позднее. Если прочности дубового частокала, в местных условиях, хватало лет на 25—50, то более древнее укрепление могло возникнуть между годами $\pm 820—\pm 840$ и быть разрушено между $\pm 850—\pm 866$ гг.

Желобки от более позднего частокалового укрепления включают весь ареал более древнего укрепления и замыкают гораздо большую площадь, которая должна была вместить храм, место для кладбища и другие постройки. Желобки прорезали четыре более древних великоморавских сооружений и сами были нарушены двумя постройками с поздним великоморавским инвентарем и 15 могилами, большая часть которых была без инвентаря, а часть содержала замечательные великоморавские украшения. Кроме того целый ряд могил явно не нарушал более позднее частокаловое укрепление, хотя они и находились в его непосредственной близости. Принимая во внимание эти обстоятельства и предполагаемую прочность частокала, новая фаза укрепления возникла между $\pm 850—\pm 866$ годами и разрушение могло наступить между $\pm 880—\pm 900$ гг.

Так как обе фазы укрепления усадьбы шли одна за другой, то некоторыми постройками можно было пользоваться на протяжении всего времени существования усадьбы, т. е. приблизительно 50—100 лет; однако предположить более короткий срок было бы вероятнее, т. к. несмотря на долговечность частокала, которая, однако, не беспорна, могло произойти разрушение отдельных фаз укрепления ранее, чем окончился бы естественный срок его службы.

III. Жилые и хозяйственные постройки

На площади усадьбы и в ее окрестностях было обнаружено 128 раннеславянских и великоморавских объектов, из которых 3 были построены дважды на одном месте (следовательно 131 объект). Ко времени существования усадьбы относился 41 объект внутри ее укрепления, и 32 объекта в ее ближайших окрестностях; 45 объектов — раннеславянских, 11 объектов — без находок, и поэтому их нельзя датировать, а 2 объекта были послевеликоморавские.

Постройки сооруженные из дерева, глины, камня и раствора (рис. 7; табл. V) и почти все расположены в одном направлении, т. е. с юго-запада на северо-восток, мы классифицируем по отношению к уровню местности (углубленные в землю и наземные), по конструкции стен (принимая во внимание подкладки из камня, столбовые ямки, желобки и отпечатки на глиняной обмазке) и по их назначению (жилища, мастерские, хозяйственные и культовые постройки).

Земляночные постройки (табл. 1—9; VI—VII). Среди них было 7 жилых землянок глубиной в 40—140 см, площадью 7,6—19,6 м², с каменными или глиняными печами, с простыми или обложенными камнем очагами (объект 20, 63, 71, 84, 86, 98, 118). Три землянки можно считать мастерскими, а именно: первую гончарной или кузнечной (объект 66), вторую кузницей, соединенной с хлевом (объект 87; табл. 6; VII:3), и третью пекарней (объект 105; табл. 8; VI:1). Кроме отходов (шлак, обломки гривелин, окалина, пережженная керамика) об этом свидетельствует существование нескольких очагов, возможно горнов, с большими ямами и большая площадь объектов (25—65 м²). Восемь землянок можно считать хозяйственными (объект 5, 29, 68, 69, 73, 88, 91, 106а), т. к. у них не было очагов, некоторые из них были двухэтажные, в виде древнеславянских клетей (объект 29; табл. 2:1); их площадь колеблется от 4 до 28 м² и планы их различны.

Наземные постройки мы делим на три группы. *Первая группа* по своей площади, конструкции, разному назначению, а также по неглубокому запуску в землю (до 20—40 см) не отличается от полуземлянок (табл. 9—12). К ней без сомнения относятся 8 жилищ (объект 54, 52, 75, 81, 116, 120, 127, 128), а от следующих 5 объектов, по всей вероятности тоже жилищ, неопределенной конструкции, сохранились только очаги или печи (объект 3, 4, 76, 117, 126). Их площадь от 4,4 до 15 м² и в них находятся каменные печи или же очаги различного устройства, помещенные в углубление или посередине (объект 45, 120) в виде исключения. К этой группе также относятся 3 мастерские, литейная (объект 42) и 2 кузнечные (объект 49, 111), различаемые по полуфабрикатам и горнам, находящимся более или менее в центре. Хозяйственных построек этого типа было 10; они были идентифицированы по частичному углублению в земле (объект 72, 89, 112), по каменным подкладкам (объект 36, 83, 102) или по скоплению находок и обмазки в гумусе (объект 61, 74, 103, 104).

Вторая группа наземных построек представляет собой жилые дома резиденции самого вельможи (табл. 13—18; IX—X), находящиеся на особо отделенной площади позади храма. Большая часть из них были очень просторными (18—45 м²). По остаткам можно различить среди них дома с выжженными глинобитными полами (объект 24, 96 — табл. 16—17), дома ограниченные полосами камней кое-где залитыми раствором (объект 25, 94, 97 — табл. 13, 14), дома с углами из каменной кладки (объект 37, 82 — табл. 15), дом со щебнепесочным полом (объект 35 — табл. 18) и дом, ограниченный расбросанными камнями с раствором на уровне пола (объект 95 — таблица 11:1). У большинства таких домов были срубные стены, только у объекта 96 стены были плетенные и обмазанные глиной, а у объекта 35 стены частично частоколовые, частично же плетенные или же армированные прутьями и оштукатуренные известковой побеленной штукатуркой. Побеленная штукатурка (табл. V) имела и у объектов 25, 29, 64, 82. Некоторые каменные подкладки указывают на то, что дом имел два помещения (объект 25, 35), и не исключено, что несколько из этих

построек (объект 35, 37 и 25) были соединены и таким образом создавали деревянные хоромы, наподобие восточнославянских, длиной в 26 м (рис. 9).

К третьей группе наземных построек относятся большие постройки столбовой конструкции, длиной в 7,2—14 м, шириной в 5,6—9,2 м, площадью 25—110 м² (табл. 19—27; VIII). От них сохранились ряды столбовых ямок по периметру и по продольной оси (объект 43, 53 — табл. 26). Во втором случае на местах бывших стен остались желобки или столбовые ямки и два боковых и один центральный ряд ямок от несущей конструкции крыши (объект 106, 107, 109, 110, 113 — табл. 19—24; VIII). Третий вариант остатков этих построек представляют собой желобки или ямки от столбов, находящиеся в самих стенах и ряд ямок по продольной оси (объект 107а, 108, 114, 115 — табл. 19:1; 23; 25). Стены этих домов были сооружены из досок или бревен, вставленных в пазы столбов, или же, что более вероятно — были плетенные, причем конструкция крыш (двухскатная или четырехскатная) опиралась на столбы в стенах и на центральные столбы. Главным образом второй вариант является ярким конструктивно-конструктивным типом, в котором несущую конструкцию крыши образуют два ряда столбов вдоль внутренней стороны продольных стен и ряд столбов на продольной оси; плетенные стены этих построек являлись только заполняющим, а не несущим элементом (рис. 10), чем они напоминают германские холловые постройки, от которых, однако, отличаются некоторыми конструктивными деталями (они не трехнефные, несущие столбы крыши находятся не на внешней стороне стен, входы бывают не в продольных стенах и др.). У двух таких построек были найдены очаги (у других могли быть разрушены пахотой). Следовательно, не исключено, что в этих помещениях жила и собиралась дружина. В некоторых случаях это могли быть хозяйственные постройки, напр. конюшни (объект 114, 115 — которые, вероятно, представляли собой легкие навесы) или сеновалы, амбары, или же всякого рода склады (объект 53, 108, 113 и др.), в которых хранились хозяйские продукты и оброки, собранные от подданного населения и т. д. Точно определить назначение этих построек затруднительно.

Отопительные сооружения (рис. 11; табл. X—XII) были обнаружены, как внутри жилых помещений и мастерских, так и вне их (возможно они также относились к жилым домам, стены которых не удалось идентифицировать). Эти отопительные сооружения можно разделить на открытые очаги (35) и закрытые печи (12), которые, однако, по их остаткам нельзя было всегда точно определить. Очаги были простые, облицованные, выложенные камнями, или же обмазанные глиной, сооруженные на уровне земли, на возвышении или же углубленные (котлообразные, тазообразные). Своеобразным вариантом очага являются топки, обмазанные раствором, комбинированные с углом помещения из каменной кладки, или же с боковыми стенками, аккумулирующими тепло и защищающими деревянные стены сруба от воспламенения (объект 25, 37, 82, 95?). Печи были или каменные (табл. XII) или же глиняные куполообразные (рис. 11:1, 1а; X:6, 7; XI:1, 4, 5, 6), иногда частично врезающиеся в стену землянки (объект 105). Каменные печи служили главным образом для отопления, а возможно и для приготовления пищи. Глиняные печи, как и обмазанные глиной очаги, имели в своем основании 1—2 слоя камня, служащие как аккумулятор тепла, и часто перед ними были большие ямы, откуда они обслуживались; если же они находились под открытым небом, около них были найдены следы от простых перекрытий. Большинство же глиняных печей служило скорее для производства (напр. литейного). Над некоторыми очагами, преимущественно в жилых объектах вельможеской резиденции могли быть и дымоходы (рис. 11:2).

Ямы (всего 63; табл. 28—40) небольших размеров в плане (до 4 м²) большей частью были круглые или овальные, в поперечном разрезе — грушевидные, котлообразные, тазообразные, с ровным дном, редко воронкообразные или со ступенчатым дном. Два первых варианта типичны для раннеславянских зерновых ям (объект 1, 15, 27, 64), остальные представляли собой, большей частью, небольшие запасные

ямь и погреба, как в раннеславянский, так и в великоморавский период. В некоторых случаях это могли быть дегтарные ямы (объект 90), или же колодцы (объект 10, 28). Реже встречаются ямы продолговато-овальные или прямоугольные с разнообразными днищами, которые иногда служили в качестве горнов (если у них обожженные стены — объект 22, 51), а также как склады или же закутки для мелких животных.

IV. Сакральные постройки и могилы

Христианский храм (табл. 1:2; III:3; рис. 3) в этой монографии не является предметом исследования, однако в ней необходимо упомянуть о некоторых предварительно опубликованных фактах, имеющих значение для хронологии и интерпретации усадьбы. Это было сооружение, построенное из бутового камня на растворе, однефного типа (длина 18,65 м, ширина 7,2 м). Оно состояло из продолговатой полукруглой апсиды, прямоугольного нефа с перегородкой и пристройкой и из квадратного нартекса. Пол нефа и апсиды был из щебня, залитого раствором, в нартексе из камня, положенного насухо. Стены — каменные оштукатуренные, снаружи побеленные, внутри украшенные цветными фресками. По различной толщине фундамента (неф с апсидой 70 см; нартекс 60 см; пристройка 40 см), по уровню полов, швов в кладке и по отношению к окружающим могилам, храм был построен в три этапа: в первом — неф с апсидой, во втором, через какое-то короткое время — нартекс, а в третьем, через более длительный промежуток времени, была сделана пристройка. Основание храма датируется временем между сооружением укрепления усадьбы и началом захоронений с инвентарем, относящимся, главным образом, к последней трети IX в. Хотя храм и относится к тому типу, который некоторые авторы связывают с деятельностью кирилломефодиевской миссии, однако это обстоятельство достоверно не подтверждено и его постройку нельзя датировать точнее, чем это сделано выше. На основании его местоположения внутри усадьбы, т. е. непосредственно с резиденцией вельможи, храм можно считать его собственностью (Eigenkirche).

Культовое место (рис. 3; 4; план 1; 2) трапецевидной формы (17 × 21,5 м; 358 м²), ограниченное желобками больших размеров (ширина 25—60 см, глубина 52—120 см), расположенное на северо-восточной стороне усадьбы, относится к более древней фазе укрепления. Хотя первоначальная внутренняя застройка площади была уничтожена множеством могил и постройкой храма, о ее культовом назначении можно судить по тому, что именно на ней был построен храм, который по всей вероятности, должен был заменить старое языческое культовое место. Большая древность ограды, чем храма, подтверждается тем, что он был построен именно на этом месте, что ориентация его была необычна (СВ-ЮЗ) и что он не стоял в центре огороженной площади, т. е. между северозападной стеной храма и забором была узкая неиспользованная полоса; кроме того уже во втором строительном этапе, бесспорно, требовал сноса забора (если он не был разобран уже при начале постройки храма).

Культовый объект 39 (рис. 12; табл. 19:2) был круглой формы (диаметр 250—300 см) и состоял из большей ямы от центрального столба и восьми столбовых ямок, размещенных по его периметру; по трети периметра проходил желобок. Его можно реконструировать — столбы были поставлены вокруг центрального столба, и были частично защищены плетнем или частоколовым забором. Так как объект находился вне территории селищных участков и на краю кладбища, где еще хоронили (перекрывал могилу великоморавской эпохи № 300), вблизи храма, по всей вероятности уже не служившего своему первоначальному назначению, а также по количеству и размещению столбов и по величине объекта, его нельзя считать обыкновенной хозяйственной постройкой (сеновал, амбар). Местоположение объекта, стратегическая ситуация, его приблизительная датировка — вторая четверть X в., круглая форма, количество элементов (8 столбов) и возможная реконструкция, по-

звolyют его сопоставить с восточнославянскими (Перынь у Новгорода, Киев) и более древними восточноевропейскими (Тушемля, Девич-гора, Ст. Рязань и др.) археологически исследованными культовыми местами, а также с описанием арабским путешественником ибн-Фадланом русского языческого жертвенника (921—922). Не исключено, что после падения Великой Моравии, в связи с распадом центральной государственной власти и церкви у народа могла возникнуть неприязнь к христианству и к господствующему слою, и поэтому тогда могло быть возвращение к языческому культу и к устройству культовых мест.

Могильник № 2 и одиночные погребения. Рядом с прицерковным кладбищем с 407 могилами, на юговосточной стороне, за пределами усадьбы, была вскрыта группа 8 могил с труположениями, обозначенная как могильник № 2 (рис. 32), а у южного угла усадьбы было в разных местах найдено 8 отдельных погребений, также с труположениями (рис. 34). Все эти могилы можно отнести ко времени существования усадьбы, к ее более поздней фазе, т. к. большинство из них (мог. 1—4, 6, 7; одиночные мог. 4, 7, 8) параллельны с ее оградой; желобок же относящийся к более древнему укреплению одной из могил (один. мог. 9) поврежден. Датировемый инвентарь из могил (главным образом пуговицы—„гомбики“ — рис. 33:4, 5; золотые и серебряные зерненные пуговицы — рис. 33:1—3) свидетельствуют о том, что они относятся к развитому великоморавскому горизонту украшений последней трети IX в. и первой половины X в. В этих могилах, находящихся между жилыми и хозяйственными постройками, была погребена группа людей, дифференцированная в имущественном отношении, но, повидимому, не привилегированная, а может быть и языческая.

V. Культурный слой

в ареале усадьбы смешивается с поверхностным гумусовым слоем толщиной в 40 по 60 см. По глубине лежащих каменных подкладок наземных построек можно судить о том, что с X века слой увеличился на 20—30 см. Он монолитный (только на небольших площадях разделен полами храма и построек № 24, 35) и находки обнаруженные в нем можно группировать только типологически, а не стратиграфически. Слой содержал только незначительную примесь дославянских находок, иногда попавших в заполнение славянских объектов: мезолитическую каменную индустрию, нагнрсножденную на большей глубине, около 80 см (рис. 13:1—8), единичные неолитические и энеолитические находки (рис. 13:9; табл. 86:5), немного больше латенских черепков (рис. 13:11—13; табл. 68:30), стеклянных браслетов (рис. 13:14—15; табл. 88:9), бусин (табл. 69:6) и несколько керамических фрагментов римской эпохи (рис. 13:16—19). Эти находки никогда не имели ничего общего с жилыми и хозяйственными постройками, а также могилами и следовательно, можно считать, что эта область в дославянском периоде была заселена лишь спорадически, и служила главным образом для экономических целей (охоты, рыбной ловли, в качестве пастбища, места сбора дикорастущих плодов, а также и как коммуникационная трасса и т. п.).

Так как в культурном слое преобладают славянские находки, то ареал усадьбы можно считать однослойным. Степень насыщенности культурного слоя различна (план 4); самое большое нагромождение находок в северной части раскопок, где перемешиваются три горизонта поселения: раннеславянский, великоморавский и после-великоморавский. Инвентарь наземных объектов смешивается с содержимым культурного слоя, это т. н. открытые комплексы. Хотя инвентарь углубленных в землю построек относится к культурному слою, однако, несмотря на это он образует закрытые комплексы, относящиеся к одному совершенно определенному временному периоду. Примесь, принадлежащую к более древнему периоду, находящуюся в нем

можно различить типологически. Замкнутость комплексов и в углубленных объектах, естественно, не абсолютна, о чем свидетельствуют обломки одних и тех же сосудов, разбросанные в заполнениях объектов, часто находящихся довольно далеко друг от друга.

VI. Керамика

Изучение селищной керамики из усадьбы имеет важное значение, т. к. она относится к стратифицированным объектам и ее можно сравнивать с керамикой, найденной в недалеком находящемся могильнике с трупосожжениями и с сосудами из могил с труположениями на церковном кладбище усадьбы. В ареале усадьбы было обнаружено свыше 31 тысячи керамических обломков приблизительно двух тысяч сосудов, из которых почти $\frac{1}{10}$ была раннеславянской, $\frac{9}{10}$ великоморавской, а незначительная часть относилась к керамике послевеликоморавской. В виду того, что было найдено огромное количество керамики, на рисунках могли быть изображены только целые формы, затем более крупные части сосудов и некоторые обломки с типичным орнаментом, профилировкой венчиков и др. Данные, которые нельзя увидеть на рисунках, были выражены численным кодом, заменяющим описание. Код — пятизначный и стоит за порядковым номером рисунка; он обозначает сорт материала (1—8), устройство поверхности (1—3), цвет (1—7), технику производства (1—4) и обжиг (1—3).

Раннеславянская неорнаментированная керамика (табл. XIII и 102) лепилась от руки из глины с примесью различно комбинированного количества песка, слюды и камешков; поверхность ее была гладкая, серо-коричневая и темносерых оттенков. Больше всего было найдено горшков, среди них горшки классической формы пражского типа (табл. 74:1; 75:9), латеноидной формы с кольцеобразно расширенным дном (табл. 74:4), экземпляры с краем венчика загнутым внутрь (табл. 102:3,7). Некоторые сосуды были мискообразной формы (табл. 102:10, 11). Края венчиков чаще всего бывают закругленными, реже конусообразно или же горизонтально срезанными. Днища — ровные или же выпуклые, массивные — закругляясь внутри сосуда переходят в стенки, снаружи они бывают часто кольцеобразно расширенными. Типичной формой являются глиняные сковородки с низкими бортиками (табл. 60:17; 104:1—4), встречающиеся на протяжении какого-то времени в комплексах вместе с орнаментированной керамикой. В объектах с неорнаментированной лепной керамикой, в единичных случаях, появляются примитивные элементы орнамента, как напр. калепной валик на шейке (табл. 74:11; 102:5, 6), вертикальные штрихи в нижней выпуклой части сосудов (табл. 71:8), ямки (табл. 71:5; 103:6, 17), штампованные кружки (табл. 98:14), примитивные волнистые линии (табл. 103:18), большей частью подтверждающие связь данной керамики с VI—VII вв.

Раннеславянская орнаментированная керамика (табл. 103—105; XIV—XV) изготовлена также лепкой, а затем обработана на гончарном круге. Данная керамика имеет характерную форму горшков и мисок. Горшки — бочонкообразные (табл. 41:1, 2; 43:9; 103:2), биконические (табл. 64:13), яйцевидные (табл. 103:1), мискообразные (табл. 105:1). Их венчики изогнуты и большей частью закруглены; срезы (конусообразные, цилиндрические, горизонтальные и др. — табл. 42:6; 44:5, 7; 64:11; 104:6 и др.) — делались редко. Днища горшков — ровные или же немного выпуклые, большей частью достаточно массивные, но без закраин. Появляются круглые отпечатки оси гончарного круга и даже пластические клейма в виде креста в квадрате (табл. 76:20). Были найдены миски с краем загнутым внутрь (табл. 54:15; 103:17) и горшкообразной формы (табл. 44:4). Украшением гончарной раннеславянской керамики служит только примитивная гравировка или же наборот более совершенная. Чаще всего встречаются полосы волнистых, ломаных и прямых линий,

отпечатки зубчатого чекана, вертикальные и косые короткие пучки линий, комбинированные в разном количестве и последовательности.

По комплексам раннеславянскую керамику можно разделить на три горизонта: 1. *Горизонт с лепной неорнаментированной керамикой* (объект 72, 75, 79 — табл. 71, 74, 75, XIII), датированный по обломку с пластическим валиком на шейке и черепку посуды, изготовленной на гончарном круге из серой тонко отмученной глины поздне римского периода или периода переселения народов и по аналогичным комплексам других местонахождений, концом V и первой половиной VI вв. 2. *Смешанный горизонт с лепной неорнаментированной керамикой и примитивной гончарной орнаментированной керамикой* (объект 2, 36, 73, 119, 120), в котором постоянно встречаются сковородки, а среди орнаментированной керамики преобладают примитивно орнаментированные экземпляры. Этот горизонт можно датировать приблизительно второй половиной VI века и началом последней трети VII века. 3. *Горизонт с орнаментированной подунайской керамикой* (объект 1, 5, 15, 16, 34, 50, 61, 62, 77), изготовленной на гончарном круге, в котором неорнаментированная керамика, практически совершенно исчезает и в данной керамике, большей частью, преобладает лучше оформленный орнамент. Его можно отнести от последней трети VII в. до конца VIII в. Раннеславянскую селищную керамику в ареале усадьбы можно синхронизировать с керамикой из здешнего могильника с трупосожжениями, имеющей одинаковые знаки, главным образом, формы и орнаменты (рис. 14).

Великоморавская керамика (табл. XVI—XXIV). К ней относятся горшки, миски и бутылка. Бутылка — единственная (табл. 95:4) — явно относится к древним моравским формам первой половины IX в.; она представляет интерес тем, что внутренняя сторона ее горлышка орнаментирована отпечатками зубчатого колесика. Миски (табл. XXIV) представляют всего лишь 3% керамики; среди них есть миски горшкообразные (табл. 51:4; 85:17), конические (табл. 107:1, 4), и миски с краем загнутым внутрь (табл. 88:2). Форма горшков, главным образом яйцевидная (56,6%) и бочкообразная (23,3%), затем мискообразная, бутылкообразная, чашевидная и биконическая. По величине их можно разделить на малые (высота 10—15 см, диаметр венчика 8—15 см, емкость около 1 литра — 23%), средние (высота 15—25 см, диаметр венчика 15—20 см, емкость от 2 до 5 литров — 41%) и большие (высота свыше 25 см, диаметр венчика более 20 см, емкость более 6 литров — 36%); керамика из могил резко выделяется — в ней преобладают малые формы. По профилю венчиков можно различить 11 групп с различными вариантами (рис. 15). Сопоставление профилей венчиков со стратифицированными комплексами показало, что горизонтально срезанные, желобчатые и богато профилированные венчики можно считать новинками для своего времени, тогда как другие видоизменения профилей (конусообразно, цилиндрически или воронкообразно срезанные, закругленные) — традиционны и с течением времени мало изменяются, хотя также и в них бывают некоторые прогрессивные элементы, как напр., чашеобразный изгиб, вытянутые края венчиков и др. (ср. табл. с текстом на стр. 152 и 153).

Великоморавская керамика орнаментирована гравировкой или пластическими элементами (валики — табл. 110:15—20; пластическая расчлененность горлышка — табл. 53:1, 88:3, 89:2) и расписными линиями (табл. 60:1; 72:1; 79:11; XIX). Гравированная орнаментация состоит из многорядных или однолинейных волнистых и горизонтальных линий и отпечатков зубчатого чекана и насечки в различных комбинациях; посредством сочетания орнаментации с определенными профилями венчиков, с глиняным тестом, цветом и степенью обжига создаются яркие керамические группы и типы, которые можно отнести к производству определенных мастерских или гончаров (групп великоморавской керамики — 8, некоторые из них делятся на несколько типов, см. табл. XVI—XXIV). Орнаментируется не только тулово горшков, но и их венчики (табл. 110:1—10).

Днища сосудов чаще всего бывают выпуклыми, иногда с валиком по периметру, реже ровными не утолщенными. Большей частью у них видны следы подсыпки, из-

редка грубой подрезки ножом. На дне сосуда античной формы можно видеть раковиннообразный след среза струной; днища сосудов из тонко отмученной глины — гладкие. Обработка дниц сосудов зависит от производственной техники. Большинство сосудов было изготовлено на довольно совершенном ручном круге, сосуды же античной формы и горшки из тонко отмученной глины (табл. XXII) вероятно изготовлены на ножном гончарном круге. У 78 сосудов на дне имелось клеймо, а именно у 4% сосудов из культурного слоя. Приблизительно половина из них — это оттиски круга (ямки и кольцеобразные выступы — табл. 110:28—33; XXV), у второй половины дниц сосудов были пластические клейма в виде лучей, креста, свастики, прямоугольника, квадрата, сетки и др. (табл. 110:22—27; XXVI). На прицерковном кладбище было найдено около 50% сосудов с оттисками, из которых подлинных клейм было всего 14%.

Синхронизация вышеописанной керамики с великоморавским периодом определяется так: 1. она находится в заполнении объектов, непосредственно относящихся к укреплению усадьбы, стратиграфически связанному с храмом и могилами, которые вне всякого сомнения относятся к великоморавскому периоду; 2. она представляет собой 90% всей керамики, найденной на исследованном участке, что соответствует как количеству великоморавских объектов и могил, так и значению этого места, именно в великоморавскую эпоху; 3. основные группы и типы этой селищной керамики сходны с керамикой из могил местного великоморавского прицерковного кладбища; 4. такая же керамика встречается и на других великоморавских местонахождениях.

После великоморавская керамика (табл. 111; 112; XXVII) была обнаружена в храме и вокруг него, главным образом под его развалинами, на дневной поверхности великоморавской эпохи. По составу глиняного теста эту керамику можно разделить на три группы: 1. керамика с большой примесью графита (табл. 111:1—9; 112:2, 8, 11); 2. керамика из глины с примесью песка (табл. 112:3—7, 9, 10, 12); 3. керамика из тонко отмученной серовато-белой глины (табл. 112:1). По форме это конические неорнаментированные миски (табл. 111:7, 8) и мискообразные или ситулообразные горшки, большей частью с коническим туловом, желобкообразным горлышком, резко выделяющимся из тулова, иногда с вытянутым верхним краем венчика, орнаментированные чаще всего полосой косых насечек на переходе горлышка в тулово, а внизу — спиралью широких горизонтальных линий (табл. 111:1—4, 9; 112:1—3, 5, 7, 8). Типичны и простые широкие волнистые линии (табл. 111:1). Для горшков характерны днища — массивные и сильно выпуклые (табл. 111:1; 112:10, 11). Керамика обычного городищенского состава глины, по всей вероятности современна остальным после великоморавским находкам, однако на ней имеются и более древние элементы орнамента — гребенчатые волнистые и прямые линии (табл. 112:9, 12).

На основании морфологических знаков, элементов орнамента и содержания графита, упомянутую группу керамики можно сопоставить с керамикой XI—XIII вв., однако по невыразительной профилировке венчиков и по стратиграфическим данным она скорее относится к керамике второй половины X века из Градца у Опавы, а именно к керамике из объекта I—IV и VI—VII, найденной близ храма № 6 в Микульчицах. Как условия при которых были найдены эти обломки, так и стратиграфия керамической группы в Микульчицах и на Поганске — тождественны. Период пользования этой керамикой дан: 1. утратой сакральной функции храма и 2. разрушением его стен, после чего на территории Поганско раннесредневековое население данного места окончательно перестало существовать. Вышеописанная керамика, найденная в нескольких не идентифицированных объектах, по всей вероятности, относится к тому же периоду как и неглубокие могилы, ориентированные в направлении 3-В; они были или безынвентарные, или же в них были найдены височные кольца, заканчивающиеся в виде латинской буквы S. Все свидетельствует о том, что время существования этих объектов было сравнительно коротким, и вероятно его можно приурочивать к началу второй половины X в.

К остальным керамическим изделиям относятся *противни* (табл. XXIV:7), найденные как в раннеславянском, так и великоморавском горизонтах, служившие для сушки зерна и выпечки хлеба, глиняные *грузила* (табл. 52:12; 57:13) к рыболовным сетям, служившие быть может в качестве гири к ткацким станкам, а также глиняные *хлебцы* (табл. 27:1, 7; 68:32), имеющие культовое значение.

VII. Остальной инвентарь

представлен гораздо меньшим количеством экземпляров, чем керамика, однако его датировка и способность информации необыкновенно важны для реконструкции ритма и образа жизни в ареале усадьбы в течение нескольких веков.

Костяные предметы — *кочедыки* (рис. 17:1—13 и др., найдены лишь в углубленных великоморавских объектах), служившие для вязки лыковых изделий, возможно лаптей, „*коньки*“ (рис. 17:18—23), применяемые вероятно, и в кожевенном производстве, в качестве скребков, *колышки* (табл. 61:19; 68:6; рис. 17:16), используемые для вития веревки, *плетения ремней*, *перевясел*, а также *корзин* и др., *гребни* (табл. 54:2; рис. 17:15), *цилиндрические предметы* (табл. 61:21), *застежки для одежды* (табл. 69:7) и *скребница* (рис. 17:17) свидетельствующая о коневодстве.

Оружие и снаряжение в селищных находках встречаются гораздо реже, чем в могилах жителей усадьбы. Два найденных *копья* (рис. 18:1, 2) принадлежат к группе западноевропейских, небольшое острие можно отнести к дротикам (рис. 18:3), и последний экземпляр с пирамидальным пером (рис. 18:11) представляет собой миниатюрную пику. *Стрелы* чаще всего втульчатые или с двумя шипами (табл. 78:7; 88:16; рис. 18:15) или же с листовидным пером (рис. 18:13—14); одношипные экземпляры (табл. 88:14, 15; рис. 18:17) видимо служили острогами для рыбной ловли. Реже встречаются *черешковые стрелы* с ромбическим пером (табл. 65:14; 78:6; 86:6—9, 12). *Втульчатые* и *черешковые стрелы* с шиповидным пером (табл. 58:7; рис. 18:5, 10) имели *броневойное* назначение, и могли с успехом применяться против *воинов* в кольчугах. *Ножи* (рис. 19; 20), хотя и были инструментом различного применения, однако любой из них будучи длинным мог служить в качестве оружия. Некоторые же особые формы могли быть использованы для специальных работ, напр. для резки *кожи* (рис. 19:13), *прививки деревьев* (рис. 19:1) и т. д. Была найдена и *оковка кожаных ножен для ножа* (рис. 20:19). К снаряжению *воина* принадлежали *складные ножи* — *бритвы* (табл. 56:22; рис. 20:1, 2, 4, 17), а также *гарнитуры пряжек* (рисунки 18:27, 29), *петелек* (табл. 79:13; 89:20; рис. 18:30) и *наконечников ремней* (табл. 86:33; рис. 28:2).

Из снаряжения в садника найдена *шпора* с крючками на плоских дужках (рис. 18:18), датированная второй половиной VI в., и обломки трех великоморавских шпор типа IA с палочкообразными дужками (рис. 18:19, 21), и типа III с плоскими дужками (рис. 18:20). Из деталей конской сбруи самой ценной является *железная петля для седельного ремня* (рис. 18:24), относящаяся к IX в., *мелкая железная бляха* — „*фалара*“ (рис. 18:23), *большие пряжки* и их обломки (рис. 18:25, 26; 22:14), *железные кольца* (рис. 18:28).

Земледельческие орудия на площадке усадьбы встречаются редко. Были найдены 2 *мотыги* (рис. 21:1, 7), обломок *заступа*, по всей вероятности нового времени (рис. 21:13), два *виноградских ножа* (рис. 18:3; 21:6), обломки трех *серпов* (табл. 96:10; рис. 21:2, 3, 5) и 14 *жерновов*. Этот комплект инструментов свидетельствует скорее о том, что в усадьбе занимались огородничеством, садоводством, а также виноградарством. Земледелие сосредоточивалось в окрестных поселках, а в усадьбу привозились только его продукты.

Ремесленных инструментов в усадьбе и ее окрестностях встречается большее количество, и они разнообразны, что свидетельствует о развитом ремесленном производстве. Более всего было обнаружено *деревообрабатывающих инструментов*: обломки топоров (рис. 22:5, 6), перовидные сверла (рис. 22:3, 4), токарные резцы (рис. 22:1, 2), используемые для ручной работы или же работы на станке, резец для художественной резьбы по дереву (табл. 89:4), скобель (табл. 51:18) и инструмент применяемый, вероятно, при производстве деревянных колес (рис. 22:7, 8). С плотничьим и столярным ремеслом связаны разные поковки; прежде всего различные виды гвоздей (рис. 23): без головок (граненные, прямоугольного и круглого сечения) или же с головками (с крылатой, молоткообразной, четырехугольной, конической головкой, подковные гвозди). Появляются скобы одноплечные (рис. 22:10—12, 14, 15) или двухплечные (рис. 22:13, 16—18), разные петли (рис. 22:19—24), крюки (рис. 24:5—7), ключ (табл. 68:15). О *металлургической и кузнечной обработке железа* свидетельствует обнаруженный кое-где шлак, в нескольких же случаях найденный непосредственно около печей (объект 48) и горнов (объект 22, 51) или близ мастерских, а также топоробразные гривны, подвергающиеся дальнейшей кузнечной обработке. Конечная обработка железных изделий производилась брусками различной формы: аморфными (напр. рис. 26:11, 13, 15), в виде дощечек (рис. 25:1—12), призматическими, пирамидальными (рис. 25:13—17; 26:5, 9, 10) и точильными кругами (табл. 85:18). О существовании *производства текстиля* свидетельствуют пряслица (рис. 27), большей частью биконические (27 штук), реже дискообразные (7 штук) и 3 конические. Половина из них ornamentирована, чаще всего горизонтальными линиями, в одном случае вертикальными (рис. 27:6), в другом прямыми и ломаными линиями (табл. 71:11) или полукружками (рис. 27:2). Девятнадцать пряслиц, по всей вероятности, были выточены из камня, остальные были глиняные. Для стрижки овец, или же для кройки тканей служили ножницы (рис. 34:11; табл. 75:11; 86:8), а для шитья иглы (табл. 46:3; 51:13). О первичной фазе обработки кожи и меха свидетельствуют костяные „коньки“ (рис. 17:18—23), возможно и разные ямы, где в соответствующих растворах мочили кожу, а во вторичной применялись специальные ножи, ножницы, иглы и железные шила (рис. 23:44, 46—48; табл. 56:16—17 и др.) — для изготовления обуви, меховой одежды, седел, щитов, колчанов, ремней и др. Спорным является различие гвоздей без головок от шил.

Украшения и следы их производства в культурном слое усадьбы встречаются редко по сравнению с местным могильником, однако их ценность заключается в том, что они свидетельствуют о местном производстве украшений в разных фазах славянского заселения. С раннеславянским горизонтом VII—VIII вв. связана матрица для выдавливания звездобразных привесок (рис. 28:3) серег типа Чадъявица—Мартыновка. Блатницко-микульчицкий горизонт первой половины IX в. характеризуют: литая бронзовая петелька с отломанной рамкой с языкообразной пластинкой, украшенной растительным орнаментом (рис. 28:5) и железный наконечник пояса, инкрустированный медной проволокой в форме пальметты и полукружков (табл. 86:33). Железный наконечник пояса, украшенный желобками (рис. 28:2), по всей вероятности, более позднего периода. Украшениями подунайского типа является простая кольцеобразная серьга (табл. 51:15) ближе не датируемая, и серьга законченная в виде спирали (табл. 88:8); ее обычно приурочивают X в.; она датирует объект 105. Отливок в виде трехбусинной серьги (рис. 28:4) или матрица для изготовления жестяных и зерненных серег прогрессивного великоморавского горизонта, или же — предвестница „белобрдского“ стиля литых украшений X в. Доказательством местного ювелирного производства великоморавского периода является находка глиняного тигелька (рис. 28:1) и полуфабриката свинцового крестика из объекта 42 (табл. 56:23).

Предметы домашнего обихода наряду с керамикой и вышеупомянутыми различной рода подсобными инструментами (ножи, кочедыки, пряслица, иглы и др.) служили для приготовления и хранения пищи. К ним относятся два больших

железных котла, емкостью 36—38 литров (табл. 59) — клад в отдельной яме № 47, относящиеся, вероятно, еще к древнеславянскому периоду. Для накачивания и хранения воды служили деревянные ведра, от которых сохранились многочисленные фрагменты обручей (рис. 29:22—25; 30:1—17), дужек (рис. 29:9, 10) и ушки разной формы (рис. 29:1—8 и др.). Для жаренья служила железная сковородка „силезского“ типа (табл. 55:5), найденная вместе с раннеславянской орнаментированной керамикой. Единственной находкой было калачеобразное кресало (табл. 46:10).

VIII. Заключение

Датировка усадьбы базируется на вертикально и горизонтально стратиграфическом соотношении объектов и на типологическо-хронологической оценке их инвентаря. На основании типологии керамики можно было выделить 45 раннеславянских объектов (2 наземных жилища — объект 75, 120; 5 углубленных и наземных хозяйственных построек — объект 5, 43, 61, 72, 73; 3 очага — объект 4, 22, 26; 35 ям — объект 1, 2, 6, 9—13, 15—19, 27, 28, 31—34, 36а, 38, 41, 47, 50, 59, 60, 62, 70, 77—80, 85, 119, 121), часть которых, по времени, можно отнести к трем горизонтам, как уже было указано при датировке раннеславянской керамики. Хронологически они не связаны с усадьбой, и поэтому не применимы в целях ее датировки.

Для установления относительной хронологии усадьбы показателями являются: обоюдное повреждение желобков, оставшихся от укрепления, перекрытие желобков фундаментом храма, жилыми и хозяйственными постройками и могилами, повреждение построек желобками, наслоение на могилы частей фундамента храма, и горизонтально-стратиграфические наблюдения (обнесение объектов заборами, параллельность их стен с заборами и др.), доказывающие одновременное существование определенных групп объектов и могил с частоколовыми желобками.

Для абсолютной хронологии усадьбы имеет значение датировка храма, могильного инвентаря и предметов из объектов показательных для хронологии и, наконец, соображения, относительно долговечности дубового частокола. 1. Храм сам по себе хронологически неопределим, однако он представляет собой узловой пункт стратиграфии усадьбы. На основании исследования храм включается в датировку кладбища, дающего ряд опорных точек, тремя строительными фазами; первые две фазы не повреждают могил (хотя вторая и накладывается на остатки более древнего укрепления), третья же фаза на могилы наслаивается. 2. На прицерковном кладбище был найден инвентарь трех временных горизонтов: единичные предметы блатнишко-микульчицкого горизонта, которые могли попасть в могилы около половины IX в., большое количество украшений велиградского горизонта и разный инвентарь последней трети IX и первой половины X вв., и снова единичные предметы, датируемые приблизительно половиной X в. (височные кольца, законченные в форме латинской буквы S, остроконечный перстень и др.). Инвентарь могильника II и отдельных могил совпадает во времени со вторым горизонтом прицерковного кладбища. Из вышесказанного вытекает, что храм и могильник возникли, вероятно, между половиной и началом последней трети IX в. 3. Находки хорошо датируемых предметов из культурного слоя усадьбы (рис. 31) подтверждают ее заселение в совпадающих во времени горизонтах, как это видно из инвентаря могил. Гибель поселения и разрушение храма датируется началом второй половины X в., ввиду нахождения небольшого количества графитных керамических обломков, стратиграфически фиксируемых между дневной поверхностью великоморавской эпохи и развалинами храма. 4. Если можно отнести возникновение храма, возникновение более поздней фазы укрепления и кладбища к ± 850 — ± 866 гг., а конец захоронений на кладбище и разрушение храма около половины X в., тогда при 25—50-летней долговечности дубового частокола (по исследованию долговечности реконструированных свайных построек), более древнее укрепление усадьбы могло возникнуть в 20—40 гг. IX в., а более позднее укрепле-

ние могло быть разрушено в 80—90 гг. IX в. После этого храм и кладбище продолжали употребляться, и очевидно тоже некоторые усадебные постройки какое-то время могли еще служить своему назначению, т. к. после разрушения укрепления еще возникали новые постройки (объект 20 и 105). Однако не исключено, что первоначальная резиденция потеряла свое значение и была перенесена на другое место, тогда как храм и кладбище продолжали исполнять свои функции.

Реконструкция строительных фаз усадьбы. За время своего существования усадьба прошла две основные фазы развития, связанных с ее укреплением, в рамках которых можно отметить, по меньшей мере, два строительных этапа; некоторые же постройки были сооружены уже после разрушения укрепления (план 1; рис. 32; 33). Большая часть домов могла простоять на протяжении всего существования усадьбы (особенно в это время, когда она была укреплена), и только несколько из них было разрушено вследствие перестроек (объект 84, 94, 106, 109). Синхронизация со строительными этапами усадьбы построек, находящихся вне укрепленной усадьбы, менее достоверна.

Жизнь в усадьбе и ее окрестностях. По характеру построек, ее оборудованию и находкам инструментов можно судить, что жители усадьбы не были земледельцами, а занимались садоводством и огородничеством. Большие наземные амбары усадьбы, вместительные горшки для запасов, противни, жернова и печи для выпечки хлеба, свидетельствуют о том, что там в изобилии потреблялись и хранились сельскохозяйственные продукты, преимущественно зерно. О скотоводстве нам известно, главным образом, по кухонным отбросам — по костям животных (свыше 17 000), свидетельствующим о разведении свиней, рогатого скота, овец, коз, птицы и др. О коневодстве свидетельствуют находки шпор, прежде всего в могилах а также скрепницы, т. к. мясо лошадей в пищу не употреблялось, и поэтому находки костей в культурном слое единичны. Хлевы (объект 68, 87, 88, 103 и др.), вероятно, за исключением конюшен (объект 108, 114, 115) находились за оградой усадьбы, также как и большая часть оград, служивших для загона скота. Как сельскохозяйственные продукты, так и скот, могли взиматься в усадьбе в качестве оброка с зависимого населения. Охота зафиксирована неполными 3 % костей диких животных, рыболовство — находками рыболовных крючков, острог, грузил для сетей, рыбьей чешуи и костей.

В усадьбе было значительно развито ремесленное производство (металлургическое, кузнечное, литейное и ювелирное, деревообрабатывающее, кожевенное, ткацкое, гончарное), служившее удовлетворению более высоких жизненных потребностей господствующего слоя общества. Оно было сосредоточено вокруг усадьбы, по ее периметру (напр. объект 110 и 111 в его южном углу) или же вне ограды (ремесленный участок на северо-восточной стороне усадьбы — объект 42, 44—49, 51, 52, а другой на его южной стороне — объект 66 и 87).

Внутренняя площадь усадьбы, кроме небольшой хозяйственно-производственной ее части была застроена жилыми домами. В каждой строительной фазе усадьбы находилось не менее 8—11 деревянных жилых построек, необычно больших размеров, претенциозно построенных, на каменных подкладках на растворе, в некоторых случаях оштукатуренных и побеленных, с искусно встроенными отопительными сооружениями. Некоторые из них состояли из двух или трех помещений, и не исключено, что часть их была соединена в большое дворцовое строение. Большие дома столбовой конструкции могли служить местом сбора или же жилищем дружины. Что же касается строительной архитектуры, то она явно отличается от построек простых деревенских поселков, и указывает на более высокий уровень жилищных условий.

Более высокий жизненный уровень, а также общественное положение захороненных в могилах отражается также на инвентаре прицерковного кладбища — в остатках пышной одежды и украшениях, в находках оружия и снаряжения воинов и всадников. Состав населения усадьбы был также необычным. Во всех вскрытых могилах мужчин было 38 %, женщин же только 19 % (не говоря о 43 % детских могил, свиде-

тельствующих о высокой смертности детей); из вышесказанного видно, что мужчин было больше, чем женщин, а это означает, что целый ряд мужчин, по всей вероятности дружинников, священников, рабов и др. жили в усадьбе без жен. Если предположить, что жителей усадьбы хоронили в течение 50—100 лет, а смертность составляла 4—5 ‰, то в усадьбе проживало около 100—120 душ.

Функция исследованного комплекса и его оценка. По общему характеру укрепления и застройки исследуемого комплекса, по находкам производственной деятельности, по образу жизни и общественному положению жителей, что отчасти характеризуются данным могильником, можно судить, что это была вельможеская усадьба — двор, служившая его резиденцией и бывшая хозяйственным центром. Укрепленные вельможеские или княжеские усадьбы, как основные хозяйственные единицы, связанные с резиденцией, возникали повсюду — в славянском и неславянском мире — в связи с началом феодальной собственности земельных участков и феодализма как такового. Данные о княжеских усадьбах — дворах, получены у славян из письменных источников, которые, однако, ограничиваются перечнем придворных сановников, и лишь отрывочно упоминают о внутреннем оборудовании и функциях усадьбы; также их археологическое исследование находится в начальной стадии, т. ч. до нашего времени о них не могло быть получено конкретного представления. Гораздо подробнее описаны усадьбы-дворы в письменных источниках каролинской области, археологическое исследование которых ведется также с начала XX в. На основании критической проверки сведений письменных источников и полученных до сего времени результатов археологических исследований видно, что 1. дворы-*curtes* были большими специализированными хозяйственными предприятиями, которые могли, но не должны были ни расчленяться (*curtis*, *curticula*, *romogium*), ни быть прямоугольными, как предполагали ранее; 2. это не были крепости, и поэтому их не обносили стенами и валами, с растущим на них колючим кустарником — они были укреплены частоколом (*tunimus*) или плетеным забором (*sepis*), изредка стеною. В заборах были ворота с надстройками (*solarii*), служившими сторожевой и наблюдательной вышкой; 3. внутри на площади *curtes* были многочисленные здания (13—33), а рядом с господским домом (дворцом) целый ряд хозяйственных построек; 4. объекты исследованные до настоящего времени и, обозначаемые археологами как *curtes*, в действительности ими не были, а представляли собой крепости с небольшой внутренней застройкой, с мощными крепостными стенами и одновременно пристраиваемыми передгородьями; 5. каролинские „фальцы“ выросли из *curtes*, с их преимущественно экономической функцией, однако позднее в них усилилась функция резиденции и репрезентации, выразившаяся в перестройке господского дома во дворец, где время от времени проживал правитель; храм же выражал сочетание светской и церковной власти.

Если сопоставить эти данные с селищным комплексом, открытым на территории Поганско, то можно найти целый ряд общих основных признаков: 1. селищный комплекс на территории Поганско был, как и *curtis*, обнесен деревянным частоколом, и имел в более ранней фазе ворота с надстройкой; 2. он был расчленен на несколько отдельных частей, на жилые, хозяйственные и производственные участки; 3. укрепление имело прямоугольную форму, что можно считать проявлением каролинского ренессанса античных военных и хозяйственных объектов; 4. внутренняя застройка селищного комплекса на территории Поганско, как и в „фальцах“ имела сильно выраженную репрезентативную функцию резиденции; в нем находился храм, и не исключено, что там был деревянный дворец.

При сопоставлении комплекса на территории Поганско с каролинской *curtis* перед нами возникает конкретная картина славянской вельможеской усадьбы-двора, как ее описали в общих чертах В. Грубый и Й. Поулик на основании более поздних письменных источников и археологических свидетельств великоморавского периода. В восточнославянских условиях ее охарактеризовали Л. Нидерле, Б. А. Рыбаков и др. Опубличено открытие селищного комплекса на территории Поганско является свидетельством, что вельможеские усадьбы-дворы типа каролинских *curtes* действительно

существовали в нашей среде в IX в. Они представляли собой один из типов раннефеодальной резиденции еще связанной с хозяйственной усадьбой вельможи, которые, по всей вероятности, были центром их имений. Благодаря этому открытию подтверждается реальное существование одного из доказательств, свидетельствующего о раннефеодальном характере Великой Моравии.

Перевод Т. Б. Цабликовой

СПИСОК РИСУНКОВ

Рис. 1. План городища Бржецлав-Поганско, его положение в рамках ЧССР (наверху) и положение вельможеской усадьбы (1). Пунктир — лес; горизонтальная линия — вода.

Рис. 2. Последовательность раскопок усадьбы в течение 1959—1965 гг.

Рис. 3. Общий план раскопок усадьбы с квадратной сеткой. Для обозначения квадрата служат буква гектара и номера пятиметровых полос северо-южного и восточно-западного направления, в пересечении которых квадрат находится; напр. А1-52.

Рис. 4. Реконструкция древней фазы укрепления усадьбы без внутренней застройки (1. и 2. этап).

Рис. 5. Реконструкция входа в древнее укрепление усадьбы. (створки ворот не изображены). 1 — вид с внутренней стороны; 2 — боковой вид (разрез); 3 — вид с внешней стороны.

Рис. 6. Реконструкция поздней фазы укрепления усадьбы без внутренней застройки (1) и его ворот (створки не изображены); 2 — вид с внутренней стороны; 3 — вид с внешней стороны; 4 — боковой вид (разрез).

Рис. 7. Обломки глиняной обмазки с оттисками деревянной конструкции стен.

Рис. 8. Реконструкция наземного (наверху — объект № 52) и земляночного (внизу — объект № 86) жилища.

Рис. 9. Опыт реконструкции комплекса построек вельможеской резиденции в понимании Ю. В. Спегальского (вид с ЮЗ и ЮВ).

Рис. 10. Реконструкция больших наземных столбовых домов. Наверху объект № 109, внизу объект № 110.

Рис. 11. Реконструкция отопительных и производственных сооружений. План остатков глиняной печи из объекта № 105 (1) и ее частичная реконструкция в разрезе (1а); реконструкция отопительного сооружения с дымоходом из объекта № 37 (2) и реконструкция домницы из объекта № 48 (3).

Рис. 12. Аналогии к культовому объекту № 39 и сопоставления их размеров (1—6). Опыты реконструкций языческих святилищ в разных масштабах (7—9). 1, 7 — Перынь при Новгороде (по В. В. Седову); 3, 9 — Тушемля (по П. Н. Третьякову); 5, 8 — Бржецлав-Поганско (по автору); 2 — Трзебиатов (по В. Филиповиаку); 4 — Скъеберг (по Р. Марстрандеру); 6 — Варендорф (по В. Винкелману).

Рис. 13. Дославянские находки. Образцы мезолитической каменной индустрии (1—8), обломок неолитического сосуда (9), обломок серпа бронзового века? (10), латенская керамика (11—13) и куски стеклянных браслетов (14—15) и черепки римской эпохи (16—19).

Рис. 14. Гипотетическое развитие и формы раннеславянской керамики в ареале более поздней вельможеской усадьбы (1—18) и в близлежащих могилах с трупосожжениями (19—25). Несрнанментированная лепная керамика (1—6, 19—22); неумело орнаментированная и частично на ручном гончарном круге обработанная керамика (7—10, 15, 23, 24); на ручном гончарном круге добавочно обработанная керамика с искусной орнаментацией (11—14, 16—18, 25).

Рис. 15. Типы и варианты профилей венчиков великоморавской керамики: I — закругленные (1—17); II — конусообразно срезанные (18—28); III — цилиндрически срезанные (29—49); IV — воронкообразно срезанные (50—66); V — горизонтально срезанные (67—85); VI — желобчатые (86—94); VII — заостренные (95—101); VIII —

утолщенные (102—104); IX — изогнутые (105—106); X — зарубленные (107); XI — богато профилированные (108—129).

Рис. 16. Группы, типы (обозначены римскими цифрами и буквами) и формы великоморавской (1—35) и послевеликоморавской (36—41) керамики и их хронология. Великоморавские горшки (1—25), бутылка (26), миски (31—35) и обломки керамики античных форм (27—30). Великоморавская керамика из объектов предшествующих возникновению усадьбы (1—3), из объектов возникших в древней фазе усадьбы (4—6, 8, 11, 18, 23, 26, 31), из объектов возникших в поздней фазе усадьбы (6, 9, 10, 12, 14—16, 19, 21, 24, 27—30, 32—34) и из объектов возникших после разрушения укрепления усадьбы (7, 13, 17, 20, 22, 25, 35). Пунктиром соединены группы и типы керамики, появляющиеся в обоих периодах существования усадьбы. Одинаковое уменьшение всех сосудов ведет к тому, что некоторые из них занимают больше места в хронологической сетке, чем им полагалось бы.

Рис. 17. Костяные предметы из культурного слоя: кочедыки (1—13), коньки (18—23), кольшечек (16), скребница (17), обломок гребня (15) и орнаментированной пластинки (14).

Рис. 18. Оружие и снаряжение всадника из культурного слоя: копья (1, 2), дротики (3, 11), стрелы (4—10, 12—17), шпоры (18—21), обломок стремени (22), фалара (23), петля для седельного ремня (24), пряжки и их обломки (25—27, 29), кружок (28), петелька (30).

Рис. 19. Ножи из культурного слоя.

Рис. 20. Ножи (3—16), бритвы (1—2, 17), и железная оковка ножен (19) из культурного слоя.

Рис. 21. Земледельческие орудия из культурного слоя: мотыги (1, 7), обломки серпов (2, 4, 5), виноградарские ножи (3, 6).

Рис. 22. Деревообрабатывающие инструменты — токарные резцы (1, 2), сверла (3, 4), обломки топоров (5, 6), инструменты применяемые при производстве колес (7, 8), скобы (9—18) и другие строительные и мебельные поковки (19—27) из культурного слоя.

Рис. 23. Железные гвозди (1—32) и шила (33—48) из культурного слоя.

Рис. 24. Железные гривны (1—4), втульчатые предметы (5—7) и другие вероятно современные предметы (8—14) из культурного слоя.

Рис. 25. Точильные камни из культурного слоя.

Рис. 26. Точильные камни из культурного слоя.

Рис. 27. Пряслица из культурного слоя.

Рис. 28. Украшения и инструменты для их производства из культурного слоя: тигель (1), матрица (3), височное кольцо (4), наконечники ремней (2, 5).

Рис. 29. Ушка (1—8), дужки (9, 10) и обломки обручей (12—26) от ведер из культурного слоя.

Рис. 30. Обломки железных обручей от ведер и разных поволоков из культурного слоя.

Рис. 31. Хронология датированных находок из селищных объектов и культурного слоя и датировка храма, прицерковного кладбища и вельможеской усадьбы. А — время возникновения укрепленной усадьбы; В — время разрушения древнего укрепления усадьбы и время постройки позднего ее укрепления; С — время разрушения позднего укрепления усадьбы. Сплошная линия — время массового употребления предметов; пунктирная линия — единичное появление (в начальной или конечной фазе употребления) предметов данного типа.

Рис. 32. Реконструкция вельможеской усадьбы второго строительного этапа в рамках ранней фазы ее укрепления.

Рис. 33. Реконструкция четвертого строительного этапа вельможеской усадьбы в рамках поздней фазы ее укрепления. Часть построек уцелевшая от более ранних строительных этапов.

Рис. 34. Планы погребений из могильника № 2.

Рис. 35. Инвентарь погребений из могильника № 2.

Рис. 36. Единичные погребения из ареала вельможеской усадьбы (1—8) и их инвентарь (9—16).

СПИСОК ТАБЛИЦ

Табл. 1—40. Планы объектов.

Табл. 41—101. Инвентарь объектов.

Табл. 102—105. Раннеславянская керамика из культурного слоя.

Табл. 106—110. Великоморавская (среднегородищенская) керамика из культурного слоя.

Табл. 111—112. Послелекоморавская керамика из культурного слоя.

Табл. I. Общий вид на городище Бржецлав-Поганско (1) и на раскопки вельможеской усадьбы (2).

Табл. II Начальный (1) и окончательный (2) этап раскопок в юго-западной части усадьбы.

Табл. III. Система частоколовых желобков в ЮЗ (1), ЮВ (2) и СЗ (3) части усадьбы и форма желобков при входе, в древней (4) и поздней (5) фазе укрепления.

Табл. IV. Форма желобков оставшихся от ЮВ стороны древнего частокола (1), от СЗ стороны древнего и позднего частокола (2) и от ЮВ (3) и ЮЗ (4) стороны позднего частокола. Желобок от забора относящегося к древнему укреплению нарушает раннеславянский объект № 9, а сам он пересечен великоморавской могилой № 105 (5); великоморавские могилы № 262—264 пересекают желобок от „культурного“ забора (6).

Табл. V. Образцы обломков раствора и штукатурки (1—5: объект № 20; 6—10: объект № 29, 11—15: объект № 35) и глиняной обмазки с оттисками прутьев (16—26). Обломки строительного раствора с оттисками камней (6—8) и прутьев (11—12); побеленная штукатурка (1—4, 10—13); твердая штукатурка со сглаженной поверхностью (5, 9, 14, 15).

Табл. VI. Земляночные постройки № 105 — пекарня (1) и № 20 — жилище (2).

Табл. VII. Земляночные постройки № 86 — жилище (1), № 88 — хлев (2), № 87 — кузница и хлев (3), № 84 — жилище (4) и № 98 — жилище (5), на которое наслаивается наземное жилище № 94 с каменной подкладкой залитой строительным раствором и с каменным очагом.

Табл. VIII. Остатки наземных построек столбовой конструкции № 107 (1), № 109 (2), № 110 (3).

Табл. IX. Подкладки и угловые обкладки наземных срубных (?) построек из бутового камня и строительного раствора. Подкладка объект № 25 и частично засыпанный котлован земляночной постройки (клетки) № 29 (1); остатки наземной постройки № 82 с угловой обкладкой (2); боковые виды на каменные стены обкладки объекта № 82 (3, 4); руины постройки № 95 — бани? (5); каменная подкладка постройки № 97 с очагом обложенным камнями (6).

Табл. X. Отопительные сооружения. Каменная угловая обкладка объекта № 37 с очагом и боковой вид на ее фундамент (1—2); общий вид на руины постройки № 37 и вымощенный камнями очаг южнее его (3); очаг с боковыми стенками из объекта № 25 (4); очаг на возвышении вымощенный камнями из объекта № 116 (5); остатки глиняной печи с предпечной ямой близ объекта № 112 (6); остатки глиняной печи и столбовых ям от навеса при объекте № 108 (7).

Табл. XI. Остатки обмазанных глиной очагов или глиняных печей: объект № 44 (1), № 46 (5), № 3 (6); остатки глиняной печи объект № 24 (4); остатки каменной печи с обмазанной круглой топкой в объекте № 75 (2, 3).

Табл. XII. Остатки каменных печей или очагов обложенных камнями из объекта № 86 (1), 117 (2), 94 (3), 118 (4), 97 (5), 127 (6).

Табл. XIII. Лепная неорнаментированная раннеславянская керамика (1, 2, 3, 9, 10), обломок позднеримского гончарного сосуда (7, 8) и образцы примитивной орнаментации (4—6, 10) из раннеславянских объектов.

Табл. XIV. Неумело орнаментированный раннеславянский сосуд (1) и глиняная сковородка (2).

Табл. XV. Орнаментированная раннеславянская керамика. Следы заглаживания на лепных грунто (3).

Табл. XVI. Великоморавская керамика I группы.

- Табл. XVII. Великоморавская керамика группы Ia (1, 2) и Ib (3, 4).
Табл. XVIII. Великоморавская керамика группы Ic (1) и Id — блучинского типа (2).
Табл. XIX. Великоморавская керамика с „энгобой“ группы IIa (1, 2) и IIб (3) и керамические обломки с расписными полосами (4—7).
Табл. XX. Великоморавская керамика группы III (1) и IV (2—3).
Табл. XXI. Великоморавская керамика IV группы (1, 2).
Табл. XXII. Великоморавская керамика V группы из тонко отмученной глины с примесью микроскопического песка, сделанная на ножном гончарном круге. Отлиток внутренней части сосуда № 2 (1) с характерными желобками свидетельствующими о производстве на ножном гончарном круге.
Табл. XXIII. Великоморавская керамика VI группы, т. наз. античных форм (1—10), VII группы из пористого глиняного теста (11) и VIII группы из графитового теста (12, 13).

Табл. XXIV. Великоморавские миски (1—6) и противень из объекта № 52 (7).

Табл. XXV. Производственные следы на днищах сосудов.

Табл. XXVI. Пластические клейма на днищах сосудов.

Табл. XXXVII. Образцы графитовой послевеликоморавской керамики.

Табл. XXVIII. Шлифы образцов отдельных керамических групп. 1 — I гр. — глина с примесью крупной дресвы (из сосуда на табл. 95:1 — объект № 112); 2 — III гр. — серостальная твердообожженная керамика с примесью зернистого песка и с горизонтально срезанными венчиками (из сосуда на табл. 91:2 — объект № 105); 3 — IV гр. с примесью зернистого песка в глине и с желобчатыми венчиками (из сосуда на табл. 82:1 — объект № 98); 4 — V гр. из тонко отмученной глины с микроскопическим песком (из сосуда на табл. 58:1 — объект № 45); 5 — VI гр. с примесью мелкого шамота в тонко отмученной глине керамики античных форм (из сосуда на табл. 50:7 — объект № 24); 6 — VII гр. с примесью известняковой дресвы и битых ракушек вызывающей пористость стен (из сосуда на табл. XXIII:11 — объект № 29); 7 — VIII гр. с примесью графита в глине, особенно в послевеликоморавской керамике (из сосуда на табл. 112:8); 8 — из мелких серо-белых черепков из послевеликоморавского сосуда из тонко отмученного теста, но со случайной примесью более крупных зерн песка (табл. 112:1).